

ОВАНЕС ТУМАНЯН
ДАВИД
САСУНСКИЙ

1915 - 2015
СТОЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Столетие геноцида армян

Ованес Туманян

Давид Сасунский

«Aegitas»

Туманян О.

Давид Сасунский / О. Туманян — «Aegitas», — (Столетие геноцида армян)

ISBN 978-1-77-246737-6

«Давид Сасунский» — средневековый армянский эпос, повествующий о борьбе богатырей из Сасуна (область в исторической Армении, ныне в Турции) против арабских захватчиков. Сложился в VII—X (не позднее XIII) веках. Эпос состоит из четырёх ветвей. Первая — Санасар и Багдасар, вторая — Мгер Старший, третья — Давид, четвёртая — Мгер младший.

ISBN 978-1-77-246737-6

© Туманян О.
© Aegitas

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	11
VIII	12
IX	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ованес Туманян Давид Сасунский

I

Лев-Мгер богатырь был родом таков:
Сасуном владел он сорок годов.
Столь грозен был Мгер, что птице чужой
Не взлететь при нем над его страной.
От Сасунских гор и в дальний предел
О славе его слух страшный гремел, —
Что велик ишхан¹, всем смелым пример.
На тысячи уст был один Лев-Мгер.

¹ Ишхан – князь.

II

Так, грозный, как, лев, соседям на страх,
Он князем сидел в Сасунских горах,
Целых сорок лет, – и за сорок лет
Не молвил он «ах!» ничему в ответ.
Впервые теперь, как старость пришла,
В бесстрашную грудь кручина вползла,
Стал думать старик все думы одни:
«Настали маи осенние дни.
В плен к черной земле итти мне черед —
А слава моя, словно дым, пройдет,
Страх минет, и слух замрет обо мне
В пустынной моей и сирой стране.
Встанут каджей тьмы, встанут дэвов тьмы...
Кого ж назовем наследником мы,
Кто бы поднял меч, защитил Сасун?..»
Так думал в тоске бездетный горюн.

III

Раз сидел он, хмур, головой поник,
И виденьем вдруг был смущен старик:
С небес огневой спорхнул херувим —
Стопы в облаках – и предстал пред ним.
«Блажен, исполин, сасунский старик!
Престола небес твой голос достиг.
Бог даст, у тебя народится сын,
Но одно лишь знай, о гор властелин:
В тот же день судьба свершиться должна —
Умрете – и ты, и твоя жена».
«Будь воля его! – Мгер молвил тотчас, —
Как для смерти мы, так и смерть для нас.
Коль наследник есть – тогда человек
Потомством своим бессмертен вовек»,
Благовестник вновь в пыланье огня
Отлетел в лазурь, и с этого дня
Через девять лун и девять часов
Сын Мгеру был дан, в исполненье слов.
И львенку дает он имя – Давид,
И брата призвать, Огана, спешит.
Он сына и край ему поручил
И вместе с женой навек опочил.

IV

А в Мсыре в тот век, могуч и велик,
Престол занимал царь Мысрамелик.
Услыхав, что Мгер ныне взят землей,
На горный Сасун он пошел войной.
Стал Оган-Горлан от страха чуть жив,
Он встречал врага, главу обнажив,
Стал молить его, припадал к ногам:
«Ты будь, – говорил, – владыкою нам!
Доколь под тобой суждено нам жить,
Будем дань платить и верой служить, —
Лишь ты пощади, не громи наш край,
Лишь сладким на нас ты оком зрирай»,
«Нет, – молвил Мелик, – пусть весь ваш народ
Под мечом моим, как один, пройдет,
Что я ни твори, что с вами ни будь —
Сасунец не смей мечом шевельнуть».
И пошел Оган, весь Сасун призвал,
Всем скопом его под мечом прогнал.
Лишь один Давид никак, нипочем
Не хочет пройти под вражьем мечом.
Насильно тащить Давида пришлось,
Он людей разнес, раскидал всех врозь.
Мизинцем Давид коснулся кремня —
Из кремня взвились вдруг искры огня!
«Я дурня убью, разделаюсь с ним!» —
Говорит Мелик вельможам своим.
«Всемогущ ты, царь, – те в ответ ему, —
Покорен Сасун мечу твоему,
Угроза тебе ль в ребенке таком.
Хоть он превратись в огонь целиком?»
«Ну, пусть – говорит Мелик, – но когда
Нагрянет на нас отсюда беда,
Клянусь этим днем —
Будет зло все – в нем!»

V

Был велик Давид, хоть малы года.
Лет семи-восьми был Давид тогда.
Хоть мал был Давид, – силен до того,
Что всяк человек – комар для него.
Но несладкий рок сироте сужден,
Хотя бы и львом он был порожден,
Огана жена – презлая была;
Молчала сперва, но потом, со зла
Заспорила с ним, речь этак ведет:
«Я одна, – твердит, – забот полон рот,
А ты сироту взял – не было бед!
На шее моей сидит дармоед!
Пропать бы ему!.. Ведь я не раба —
Ради вас не стану я гнуть горба!
Убери его, работать устрой,
Пускай поживет своей головой».
Начала тут слез ручьи проливать,
Оплакивать жизнь, судьбу проклиная,
Что несчастна, мол, и одна к тому ж,
Заступника нет, не щадит и муж...
Тут к парню Оган пошел-зашагал,
Он лапти ему железные дал,
Железный ему дал посох потом, —
Стал на весь Сасун Давид овчаром.

VI

И погнал овчар-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.
«Эй, горы, джан!
Родные, джан!»
Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из берлог, из нор —
Разбежались врозь, разбрелись среди гор.
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в доли бежит.
Лис, зайцев, волков, косуль наловил,
В отару одну с ягнятами сбил.
Ввечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум, и крик, тут и визг и вой.
Увидал тогда весь сасунский люд,
Что звери толпой на город идут.
«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад
Скорей утекать – кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам,
Явился Давид, на майдан идет:
«И рано же тут ложится народ!
Ягнят встречай! Козлят встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного – все десять на!
За десять – двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Ягнят-козлят в хлева веди!»
Глядит – не идут; что ни дом – замкнут,
Разлегся и сам на майдане тут.
Уснул – головой на камне, – устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все – одна семья:
«Эй; Оган-Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк – ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

VII

Встал Оган-Горлан, пошел на майдан,
«Подале держись, эй, дядя Оган!
Разгонишь козлят! Осторожно! Стой!»
Из отары вдруг тут заяц косой —
Оба уха врозь с перепугу – прыг...
За серым Давид бежит напрямик.
По горам бежал, по долам бежал,
Вернул и опять к другим примешал.
«Ой, дядя Оган! Я и сам не рад:
Бог благословил тех черных козлят,
А серые – те, которые тут,
Врассыпную все – и в горы бегут.
Намучился я, как бегал вчера,
Насилу-то их довел до двора...»
Посмотрел Оган – беда с пареньком:
Вновь обувки нет приличной на нем,
И посох-то весь об ладонь истер —
Немало, видать, поизбегал гор.
«Помогу тебе, – говорит Оган, —
От серых козлят ты извелся, джан.
Назавтра гони ты рогатый скот»,
Так молвил Оган. Наутро идет.
Вновь пару лаптей железных дарит,
Чтоб вновь хорошо был обут Давид,
В сто лидров дарит он посох притом, —
И в Сасуне стал Давид пастухом,

VIII

И погнал пастух-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.
«Эй, горы, джан!
Родные, джан!
Как сладок склон
Нагорных стран!»
Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из нор, из берлог, —
Разбрелись в горах, покинули лог,
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Волков, медведей, львов, тигров словил,
Их в стадо одно с коровами сбил,
Ввечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Перетрусил вновь сасунский народ —
Тьмой-тьмушей зверье на город ползет:
«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад
Скорей утекать: кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам,
Явился Давид, на майдан идет:
«И рано же тут ложится народ!
Коров встречай! Волков встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного – все десять на!
За десять – двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Коров-волов в хлева веди!»
Глядит – не идут; что ни дом – замкнут.
Разлегся и сам на майдане тут.
Уснул – головой на камне, – устал;
До самой зари сладким сном проспал,
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все – одна семья:
«Эй; Оган-Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк – ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

IX

Наказанье с ним! Не Давид – беда!
В отчаянье впал сам Оган тогда,
Он стрелы ему и лук смастерил,
Чтоб в горы Давид стрелять уходил.
Так лук и колчан Давид приобрел,
Далеко в тот день за город забрел, —
Охотником стал. В просяных полях
Воробьев стрелял, перепелок-птах;
К знакомке отца ходил вечерком,
К старухе одной одинокой в дом.
Велик, долговяз, – лежал, как вишап;
У огня в углу раздавался храп.
Однажды пришел с охоты Давид,
Старуха в сердцах ему говорит:
«Ой, чтоб тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каким был отец?
Старуха ведь я, без рук и без ног,
Лишь поле да я, а над нами – бог!
Что ж топчешь посев, что губишь спроста?
Я была б с него целый год сыта!
Коль охотник ты – свой лук забирай.
Сеханасар, Цымцка и меж них весь край

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.